

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

изложенное на основании ст.27 ч.(5) Закона о Конституционном суде и ст.67 Кодекса конституционной юрисдикции

1. В ходе совещания по Постановлению № 36 от 05.12.2013 года, которым Конституционный суд установил приоритет текста Декларации о независимости по отношению к тексту Конституции, я пришел к иному заключению, отличному от того, которое было изложено в Постановлении Суда.

2. Вместе с тем, поддерживаю позицию Конституционного суда, что текст Декларации о независимости и текст Конституции составляют единый блок. В связи с этим, считаю необходимым разъяснить некоторые аспекты, касающиеся соотношения между данными актами, а также между преамбулой Конституции и Декларацией о независимости.

3. В основе концепции «конституционного блока» лежит опыт других стран: Франции, Испании, Венгрии и др., которые, через юриспруденцию органов конституционной юрисдикции, придали конституционный характер некоторым принципам и нормам, не содержащимся в тексте Конституции, в том числе отдельным политическим или политико-правовым декларациям.

4. Политическая декларация – это официальный манифест полномочного органа, документ, содержащий оценку событий, фактов, целей и принципов деятельности. Нередко декларации не содержат правовых норм, представляя собой отправную точку для разработки и принятия таких норм в будущем. В ряде стран политические декларации, главным образом, провозглашающие независимость, послужили посылком для принятия Конституции и источниками права для политической сферы.

5. Как справедливо отмечается в Постановлении суда, Декларация о независимости Республики Молдова, принятая 27 августа 1991 года, является политико-правовым документом, закрепившим образование нового независимого государства Республики Молдова, «представляет собой «свидетельство о рождении» нового государства и устанавливает основы, принципы и фундаментальные ценности государственного устройства Республики Молдова» (§49).

6. Чтобы обосновать юридическую силу Декларации о независимости по отношению к другим элементам конституционного блока, необходимо уяснить вопрос о соотношении Декларации о независимости и Преамбулы Конституции.

7. В этом контексте, считаю необходимым отметить, что является необоснованным аргумент, согласно которому при наличии нескольких толкований, положения, которые соответствуют Преамбуле и тем самым Декларации о независимости, превалируют (§122).

8. Основанием для такого утверждения послужило заключение Суда о том, что в преамбуле Конституции содержится ссылка на Декларацию о независимости. По мнению Суда, преамбула «имеет ключевую роль в

понимании и применении текста Конституции [...]» и «[...] при наличии нескольких толкований, положения, которые соответствуют Преамбуле и Декларации о Независимости, преваляют» (см. §§.56-58, 59 из Постановления КС № 4 от 22.04.2013 года).

9. В действительности, в Преамбуле Конституции делается ссылка на *«вековое стремление народа жить в суверенной стране, выразившееся в провозглашении независимости Республики Молдова»*, а не на Декларацию о независимости как документе. Является очевидным тот факт, что между политико-философским заявлением о «вековом стремлении народа жить в суверенной стране» и Декларацией о независимости как политико-правовом акте нет непосредственной связи.

10. Вопрос юридической силы политических деклараций представляет собой классический предмет споров доктринального характера во многих странах. Некоторые авторы считают, что эти декларации не могут иметь юридической силы; по их мнению, они являются «великими декларациями о намерениях, декларациями философского или морального характера», и не порождают правовые нормы.

11. Во Франции споры между сторонниками и противниками придания юридической силы декларациям завершились в пользу первых в 1958 году, когда была вынесена на референдум Конституция, в том числе Преамбула, которая провозглашает приверженность правам человека и принципам национального суверенитета так как они изложены в Декларации о правах человека и гражданина от 1879 года, которая была подтверждена и дополнена Преамбулой Конституции от 1946 года. Этот факт позволил Конституционному совету Франции, решением от 16 июля 1971 года, придать конституционный характер всем указанным выше актам, а впоследствии и Декларации об окружающей среде от 2004 г., которые согласно французской концепции образуют «конституционный блок».

12. Что касается конституционной системы Франции, страны, Конституционный совет которой внедрил термин «конституционный блок», необходимо иметь в виду следующее. Как в юриспруденции, так и в доктрине было отмечено, что не существует правовой иерархии между различными принципами или нормами, составляющими французский конституционный блок, все имеют одинаковую юридическую силу, поскольку не могут существовать нормы «более конституционные» либо нормы стоящие над Конституцией. Нормы и принципы, установленные вышеуказанными актами, включены в конституционный блок на одном и том же уровне.

13. Обязанность устранения коллизий, возникших между принципами и нормами конституционного блока, возложена, в первую очередь, на законодателя, властные волеизъявления которого осуществляются под контролем органа конституционной юрисдикции. Конституционный судья «нередко призван осуществлять конституционный контроль над деятельностью законодателя по разрешению противоречий, возникающих при применении принципов, [...] используя принцип соразмерности. Однако, конституционный судья, строго говоря, не создает

конституционные нормы. Более того, он также не может подвергать конституционному контролю конституционные законы либо законы, принятые через референдум, которые представляют собой прямое выражение национального суверенитета, так как, являясь цензором законов, он является слугой Конституции. (Mathieu V. Qu'est-ce que la Constitution? <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-de-1958-en-20-questions/la-constitution-en-20-questions-question-n-1.166>).

14. Для устранения этих коллизий, в конституционной системе Франции были использованы различные методы, в частности, толкование указанных норм таким образом, чтобы была обеспечена их совместимость, выявление возможностей для их применения в совокупности и т.д. Наряду с этим, до настоящего времени не был выработан единый метод и не определены общие критерии, применимые ко всем случаям коллизий: каждая конфликтная ситуация разрешается в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

15. Поскольку Конституционный суд в своем Постановлении при введении понятия «конституционного блока» взял за основу французскую модель, необходимо было использовать метод сравнительного толкования, который основывается на анализе толкования и применения аналогичных правовых институтов в других правовых системах, и метод аналогии (*ubi eadem est ratio, ibi eadem solutio esse debet*), основанный на концепции, согласно которой там, где существует тот же аргумент (мотивация), должно выноситься то же решение. Суть этого метода сводится к следующему: одна и та же причина должна приводить к одному и тому же следствию. Применяя эти методы при рассмотрении соотношения между Декларацией о независимости и Конституцией, составляющие «конституционный блок» Республики Молдова, решение должно было состоять в том, что оба акта имеют одинаковую юридическую силу.

16. Этот же вывод следует и из применения историко-телеологического метода толкования, который заключается в осмыслении положений закона, исходя из целей, преследуемых законодателем при его принятии и, в зависимости от обстоятельств, из конкретного исторического контекста. Учитывая, что оба акта были приняты в результате общего политического движения и за короткий период времени, что они основываются на одинаковых ценностях и провозглашают одинаковые принципы, устанавливают основы государственного устройства, не существует никаких оснований для придания Декларации о независимости более высокого юридического статуса по отношению к Конституции.

17. Необходимо отметить, что в конституционный блок входят также «законы и постановления Парламента Республики Молдова от 31 августа 1989 года о провозглашении румынского языка государственным языком и о возврате ему латинского алфавита», прямо указанные в Декларации о независимости.

18. В этом контексте, необходимо отметить, что указанные акты (Закон № 3462, Постановление № 3463, Закон № 3464) содержат синтагму

«молдавский язык», а не «румынский язык». Так, Законом №3464 от 31 августа 1989 г. законодатель установил: «*В целях устранения деформаций в языковом строительстве в Молдавской ССР, государственной защиты молдавского языка - одной из основных предпосылок существования молдавской нации в ее суверенном национально-государственном образовании, обеспечения его всестороннего функционирования на территории Молдавской ССР и упорядочения национально-языковых отношений в республике [...] дополнить Конституцию (Основной Закон) Молдавской ССР статьей 70-1 следующего содержания: Статья 70-1. Государственным языком Молдавской Советской Социалистической Республики является молдавский язык[...]*»

19. Таким образом, в актах, образующих «конституционный блок», превалируют нормы, закрепляющие синтагму «молдавский язык». Применяя метод системного толкования, который предполагает разъяснение смысла правовой нормы, с учетом ее соотношения с другими правовыми нормами того же или другого нормативного акта, Конституционный суд не имел оснований придавать тексту Декларации, где синтагма «румынский язык» только упоминается, более высокую юридическую силу по отношению к другим текстам (ст.13 Конституции, Закон №3464 от 31 августа 1989 г. и др.), которые, *de facto*, провозглашают молдавский язык государственным языком.

20. Придание тексту Декларации о независимости более высокой юридической силы по отношению к тексту Конституции противоречит общим принципам соотношения правовых норм.

21. Так, признание приоритетности Декларации о независимости по отношению к Конституции невозможно в силу принципа *lex superior derogat legi inferiori* (вышестоящий закон имеет преимущество перед нижестоящим законом).

22. Высшая ступень Конституции в иерархии правовых актов обеспечивается следующими факторами: закреплением верховенства Конституции (ст.7); процедурой принятия или пересмотра акта; принятием акта разными органами (хотя Конституция была принята Парламентом, в момент ее принятия он выступал в качестве конституционного собрания); процедурой принятия (необходимость голосования квалифицированным большинством конституционного собрания); официальным толкованием другим субъектом, нежели Парламентом (Конституционный суд), а также другими факторами, которые обеспечивают высший нормативный характер Конституции.

23. Декларация о независимости была принята Законом № 691 от 27.08.1991 г. То, что Декларация была подписана всеми депутатами, присутствовавшими на заседании, не придает ей более высокой юридической силы, чем как закону (на тот момент не применялась классификация законов на органические и ординарные). В силу этих обстоятельств, Декларация не может иметь преимущество перед Конституцией, которая является высшим источником права в правовой системе любого государства.

24. В свете принципа *lex specialis derogat legi generali* (специальный закон отменяет действие общего закона), является бесспорным тот факт, что положения Декларации о независимости носят общий характер, тогда как положения ст.13 Конституции, которые закрепляют название государственного языка, являются *lex specialis*.

25. Что касается принципа *lex posterior derogat priori* (последующий закон отменяет предыдущий), его неприменимость в этом случае очевидна, поскольку этот принцип действует только в случае, когда оба закона имеют либо общий, либо специальный характер.

26. В контексте объекта обращений, в качестве общего заключения необходимо отметить, что авторы обращений, запрашивая толкование ст.13 Конституции, на деле преследовали цель изменить конституционную статью, используя процедуру официального толкования, в обход процедуры пересмотра Конституции, предусмотренной разделом VI Конституции.

27. В этом смысле, особенно убедительными являются суждения Венецианской комиссии, изложенные в Докладе о пересмотре Конституции (CDL-AD (2010)001): «Венецианская комиссия неоднократно приветствовала и одобряла модель «конституционных судов», распространенную в Европе. Эта модель является в общем подходящей для конституционного юрисдикционного толкования. Она может способствовать развитию национальных конституционных систем. **Тем не менее, Венецианская комиссия отмечает, что в случае необходимости осуществления существенного конституционного пересмотра, демократическая политическая парламентская процедура, соответствующая установленным процедурам о внесении поправок к Конституции, предпочтительнее, чем юрисдикционная процедура.» (§ 122).**

28. В этом смысле, Венецианская комиссия установила «общий принцип, что любые существенные поправки к Конституции необходимо осуществлять преимущественно по установленным формальным процедурам, в силу того, что строгие процедуры, среди своих главных задач, призваны гарантировать правомерность конституционных поправок.» (ibidem, §22).

29. В свете изложенного, считаю, что часть аргументов, легших в основу принятия постановления, противоречат как правилам толкования, так и правилам соотношения правовых норм, и не имеют под собой необходимой правовой основы. Таким образом, придание Декларации о независимости Постановлением Конституционного суда № 36 от 5 декабря 2013 г. более высокой юридической силы по отношению к Конституции, в результате чего Декларация о независимости превалирует, является необоснованным.

АУРЕЛ БЭЕШУ
Судья Конституционного суда